

Лауреат нескольких лит. премий, в т. ч. Пушкинской премии (1992, Гамбург), Антибукер (1997, Москва). Член российского ПЕН-клуба. Живет в Москве.

Соч.: Общие места / послесл. Т. Чередниченко. М., 1990; Календарь. Владикавказ, 1991; Стихи о любви. М., 1993; Сантименты: Восемь книг / предисл. С. Гандлевского. Белгород, 1994; Когда был Ленин маленьким / илл. А. Флоренского. СПб., 1995; Парафразис. СПб., 1997; Интимная лирика. СПб., 1998; Избранные послания. СПб., 1998, Улица Островитянова. М., 1999, Новации. СПб., 1999; Юбилей лирического героя. М., 2000.

Лит.: Архангельский А. В тоске по контексту: От Гаврилы Державина до Тимура Кибирова // Архангельский А. У парадного подъезда. Лит. и культурные ситуации периода гласности (1987–1990). М., 1991; Золотосов М. Логомахия: Знакомство с Тимуром Кибировым: маленькая диссертация // Юность. 1991. № 5; Зорин А. «Альманах» — взгляд из зала // Личное дело №. М., 1991; Куланова М. И замысел мой дик — Играть ноктюрн на пионерском горне! // Новый мир. 1994. № 9; Курицын В. Соц-арт любитесь-2 // Курицын В. Русский лит. постмодернизм. М., 2001; Лекманов О. Послание Тимуру Кибирову из Опалихи в Шильково через Париж // Русская мысль. La pensee russe. Париж. 1993. 11–17 нояб. № 4004; Левин А. О влиянии солнечной активности на совр. русскую поэзию // Знамя. 1995. № 10; Немзер А. Двойной портрет на фоне заката: Заметки о поэзии Т. Кибирова и прозе А. Слаповского // Знамя. 1993. № 12; Тоддес Е. Энтропии вопреки: Вокруг стихов Тимура Кибирова // Родник. 1990. № 4; Чередниченко Т. Песни Тимура Кибирова // Арион. 1995. № 1; Чудакова М. Путь к себе: Беседа с корреспондентом // Лит. обозрение. 1990. № 1; Шохина В. Символистские закаты и блатные песни // Независимая газ. 1998. 15 янв.; Эпштейн М. Зеркало-щит. О концептуальной поэзии. Каталог новых поэзий // Эпштейн М. Постмодерн в России. Лит-ра и теория. М., 2000.

О. В. Богданова

КИМ Анатолий Андреевич [15.6.1939, пос. Сергиевка Тюлькубасского р-на Казахской ССР] — прозаик, сценарист.

Родился в корейской семье в Южном Казахстане. «Мой дед Ким Ги-Ен происходил из рода крупного военного чина, начальника королевской стражи, который в XV веке после дворцового переворота вынужден был бежать и скрился в глухой провинции на севере Кореи. Там и проросла наша тоненькая фамильная ветвь, которая впоследствии проникла в Россию, где я и увидел свет» (**Мое прошлое** // Остров Ионы. С. 5). Детство и юность прошли на Дальнем Востоке. Учился в Московском худож. училище памяти 1905. В 1971 заочно окончил Лит. ин-т им. Горького в Москве, где занимался в творческом се-

А. А. Ким

минаре В. Лидина. Трудовая биография К. пестра: он работал крановщиком башенных кранов, мастером на мебельной фабрике, кинемехаником, художником-оформителем, инспектором-искусствоведом в Худож. фонде СССР, позднее преподавал в Лит. ин-те им. Горького (вел семинар прозы), работал в изд-вах и редакциях. Свой уход от живописи и приобщение к лит. творчеству К. объясняет так: «Я когда-то учился на художника и очень увлекался живописью, рисунком. И никогда бы не бросил этого дела, если бы не было такого мучительного переживания времени, которое и привело меня к литературе. Картина всегда являет застывшее мгновение, литература — живой поток времени, времени необратимого, плотного, упругого и вместе с тем пронизываемого, открывающегося в своей неповторимости» (Лит. обозрение. 1990. № 6).

Свой путь в лит-ру К. начал со стихов, опубликованных в газ. «За автодорожное движение». Однако первая серьезная публикация К., обратившая на себя внимание критики, — рассказы «**Акварель**» и «**Шиповник Меко**» (Аврора. 1973. № 1). Первые рассказы К. привлекали не только экзотичностью материала, глубиной постижения драматически сложившихся судеб героев, но и проникновенным лиризмом, живописно-

стью красок и тонкостью психологического рисунка. Эти качества, во многом определившие особенности худож. манеры К., присущи и др. его рассказам, вошедшим в сб. **«Голубой остров»** (1976), **«Четыре исповеди»** (1978), **«Соловьиное эхо»** (1980). Гиперболичность образов, ориентированных на устное народное творчество, яркая метафоричность, живой колорит изображаемого сочетались в рассказах К. с исповедальностью тона, очарованием доброты его героев, умением объединить большое и малое, значительное и незаметное, будничное и празднично-нарядное.

Своеобразие творчества К. критика усматривает в единстве всех его произведений, каждое из которых является как бы завершением предшествующего произведения и началом последующего. Единство текстов служит отражением единства мира, который воссоздает на страницах своих произведений художник. «Все компоненты мира — живого и неживого, это все едино», и «мы, люди, представляем собой единое тело, целостный организм», — говорит К. Задачу же свою он видит в том, чтобы «ощутить наш земной мир как мир космический, не замкнутый в самом себе» (Лит. обозрение. 1990. № 6). Уже только это замечание наталкивает на мысль о философских корнях творчества К. Мн. образы и мотивы произведений писателя обнаруживают культурно-философскую традицию (Т. де Шарден, Вернадский, Циолковский, Федоров и др.).

Нашедшие отражение в рассказах и повестях К. такие качества, как обращенность к натурфилософской проблематике, стремление познать законы единства и единения человека и окружающего его природного мира, подчиненность человеческой природы как земным, так и неземным законам существования, получили свое развитие в романах писателя **«Белка»** (1984), **«Отец-лес»** (1989), **«Поселок кентавров»** (1992), **«Онлирия»** (1995), **«Остров Ионы»** (2001) и др.

Переход художника к новой для него жанровой форме был связан с усложнением повествовательной, идейной и стилиевой структуры произведений: «...в романе по сравнению с рассказом острее чувствуешь протяженность, объемность времени, его поток». Роман дал возможность К. перейти к осмыслению и постижению вечных философских проблем человеческого бытия.

К. привлекает в лит. творчестве «возможность путешествовать по разным человеческим жизням, душам, мирам <...>. Человечес-

кие миры — это не только <...> наличная реальность, но и реальность более глубокая — реальность человеческого воображения, веры, находящая отражение в культуре, искусстве, мифологии». Именно поэтому К. включает в ткань худож. произведений мифы, легенды, притчи, символы и образы универсального характера. Среди героев художника — не только люди, но звери и птицы, великаны и карлики, мифологические существа и фольклорные тотемы. Все они как бы не имеют четко очерченных границ, не существуют сами по себе и сами в себе. Персонажам К. свойственно трансформироваться, сплетаться, перетекать из одного в другого, быть самими собой и одновременно другими или даже другими персонажами. Это свойство прозы, которое отчетливо проявилось в романах **«Белка»** и **«Отец-лес»**, К. назвал лит. полифонией. Полифонический эффект достигается в прозе К. различными способами — пересечением внутренних монологов, неожиданной сменой ракурсов, переходами от одного повествователя к другому (или от одного сознания к другому сознанию), временным монтажом, перемещением во времени и пространстве, сплетением исторических и географических пространств, смешением судеб и характеров, так же как и смешением возможностей различных жанров: так, роман **«Белка»** имеет подзаголовок «сказка», а роман **«Отец-лес»** — «притча». В этих романах героями-повествователями становятся заглавные образы — Белка и Отец-лес, «демиурги-рассказчики», не принадлежащие к миру человеческих существ. Они, с одной стороны, дают возможность представить «время как целостность», выйти за пределы ограниченного временного периода или локализованного социума, разомкнуть историческое пространство с его «привычной ниточкой последовательности». А с другой — эти образы-мифологемы наделены духовной сущностью, способностью мыслить, переживать, «любить и ненавидеть по-человечески», умением понять и осознать «дьявольскую горячность человеческого существования».

На стиливом уровне худож. своеобразие прозы К. определяется прежде всего живописностью мира, что может быть объяснено как навыками художника-профессионала, так и генетическим родством художника с восточной традицией. Критика неоднократно отмечала «восточное» начало в способах худож. выразительности и мировоззрения К., однако сам писатель говорит: «Восточное у меня — это прежде всего отбор прекрасного от окружающего мира, эстетика, дозирова-

ка, чувство меры». К этому можно добавить и «генетическую память»: по словам К., он является потомком по мужской линии корейского средневекового поэта Ким Си Сыпа, знаменитого на Востоке почти так же, как Омар Хайям. Кореец по происхождению, К. пишет на русском яз. и считает себя русским писателем: «В русской классической литературе прошлого века та традиция — нравственная и эстетическая, <...> которая мне ближе всего». По словам критика В. Бондаренко, в прозе К. звучит «голос русского писателя с иным национальным менталитетом». Именно в этом синтезе и проявились те важные философские и мировоззренческие, этические и эстетические качества прозы К., которые определили ее своеобразие и позволили говорить об особом «кимовском метафорическом реализме».

По сценариям К. на киностудии «Казахфильм» режиссером Е. Шинарбаевым сняты худож. фильмы «Сестра моя Люся» (1985), «Выйти из леса на поляну» (1988), «Мечь» (1989).

Член российского ПЕН-клуба. Лауреат итальянской премии «Москва–Пенне» (2000).

Соч.: Нефритовый пояс / послесл. С. Залыгина. М., 1981; Собиратели трав: повести / послесл. В. Бондаренко. М., 1983; Белка: роман-сказка. М., 1984; Невеста моря: Рассказы, роман / послесл. Л. Аннинского. М., 1987; Избранное: Повести, роман / вступ. статья Н. Любимова. М., 1988; Онлирия: роман. М., 2000; Белка: Роман-сказка, повести. М., 2001; Остров Ионы: Метароман, повесть. М., 2002; Избранное: Отец-лес: роман-притча; Поселок кентавров: роман-гротеск; Сбор грибов под музыку Баха: роман-мистерия; Стена: повесть невидимок; Близнец: роман. М., 2002.

Лит.: Холшевникова Е. В зеленой гуще жизни... // Аврора. 1979. № 3; Егоров Е. Чеканное звено нежности // Культура и жизнь. 1986. № 8; Степанян К. Люди и боги в свете иронии: О романе А. Кима «Поселок кентавров» // Независимая газ. 1992. 11 сент.; Сафронова Л. Ритмическая композиция прозаического произведения: На материале произведений А. Кима: автореферат канд. дис. Алма-Ата, 1994; Вольская Т. Сэнсэй, живущий сам по себе // Невское время. 2001. 5 апр.

О. В. Богданова

КИМ Юлий Черсанович (псевдоним Юлий Михайлов) [23.12.1936, Москва] — поэт, драматург, композитор.

В 1937 К. осиротел: отец был репрессирован (расстрелян в 1938). Мать оказалась в ссылке, вернувшись из которой, она вместе с сыном отправилась в Туркмению, откуда К. в 1954 приехал в Москву и поступил в Мос-

ковский гос. педагогический ин-т, не решившись поступать на журфак МГУ, «хотя и считал себя начинающим писателем, имея за душой с десяток плохих стихотворений... нагло полагая, что уж как-нибудь, в процессе обучения, стану если не писателем, то журналистом, либо редактором, либо ученым-литературоведом» (Творческий вечер: Произведения разных лет. С. 266).

В МГПИ К. занимался в лит. кружке, сочинял стихи и песни, посещал семинар по античному искусству, учил латынь, публиковался в стенной и многотиражной местной прессе, иногда выступал на сцене. МГПИ в те годы был известен как рассадник т. н. «авторской песни»: там учились и творили ее создатели — Юрий Визбор, Ада Якушева, Юрий Коваль. И К. в этих стенах навсегда связал себя с песенной поэзией, совмещающей традиции фольклора, городского романа, студенческого капустника — под неизменный аккомпанемент гитары.

По распределению К. 3 года отработал в пос. Анапка Камчатской обл. Темперамент и творческая активность К. внесли свежую струю в жизнь поселка: организованные им ансамбли исполняли популярные и собственного сочинения песни, ставились даже «песенные программы» и кукольные спектакли; слушали классическую музыку, устраивали походы и костюмированные балы. Такова была педагогическая деятельность К., продлившаяся 9 лет, — «я учительствовал, и с удовольствием... с чувством увлекательного и значи-

Ю. Ч. Ким